

7

Усложнение глобальной экономики, кризис и инновационная пауза

И. Э. Фролов

В статье выдвигается гипотеза о том, что за последнее время произошло качественное усложнение типов воспроизводства экономической динамики, что, в частности, привело к снижению эффективности современных технологических инноваций как ключевого условия роста мировой экономики и породило инновационную паузу. Также анализируются тенденции развития мировой экономики в 2014–2015 гг. и в начале 2016 г., которые свидетельствуют о замедлении экономического роста. Это может свидетельствовать о медленном, но поступательном развитии кризисных явлений, которые в ближайшее время перейдут в открытую фазу. Ожидания, связанные с внедрением нового поколения инноваций, не оправдываются. Новый кризис будет иметь иную природу и иную динамику, чем короткий мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. Гипотеза заключается в том, что новый глобальный кризис будет иметь экономическую природу, а не финансовые причины, как в 2008–2009 гг. Новый кризис будет иметь более продолжительный характер и захватит наряду с развитыми странами также Китай и Индию. Длительность кризисных явлений отодвинет период бурного внедрения инноваций нового поколения к середине 2020-х гг., и их эффективность будет ниже, чем у инноваций 1960–1990-х гг.

Ключевые слова: длинные волны, воспроизводство, кризис, трансформация глобальной экономики, современные инновации, инновационный тип капитала, преобразующие инвестиции.

Введение в проблему

За годы после финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. множество ученых и аналитиков так или иначе описывали причины и условия кризисных явлений как в мире, так и в России (Гринин, Коротаев 2012; Stiglitz 2010; Allison 2012; Wolff 2016), однако способы концептуализации и мнения экономистов по мерам и условиям обеспечения устойчивого экономического развития во многом полярны: от признания невозможно-

Кондратьевские волны: к 125-летию Н. Д. Кондратьева 2018 127–154

сти быстрого роста российской экономики в ближайшее время (Прогноз... 2015; Российская... 2016) до оценок потенциала темпов ежегодного роста в диапазоне 3–5 % в средне- и долгосрочной перспективе (Восстановление... 2016). Достаточно устойчивым является мнение, что в настоящее время формируются новые макроэкономическая и институциональная модели роста, изменяется роль отдельных отраслей экономики, возникает новый тип глобализации, подвергается переосмыслению роль неравенства в экономическом и социальном развитии ведущих стран (Мау, Улюкаев 2014). Но способны ли современные макроэкономические модели корректно описывать реальную экономическую динамику? Определенным образом обобщая и упрощая, можно сказать, что макроэкономические модели исходят из недоказанных, хотя и во многом общепринятых тезисов: 1) экономический рост вызывается эндогенными факторами (например, инвестиции, труд, инновации), а спад – экзогенными (например, внешние «шоки»). Существует и теоретическая альтернатива: концепция длинных циклов (или длинных волн), которая возникла еще в конце XIX – начале XX в., когда ученые многих стран (и прежде всего специалисты по истории и теории экономических кризисов) обратили внимание на наличие длинных волн в динамике отдельных экономических показателей. Среди них можно отметить, например, С. Дживонса (Англия), М. Туган-Барановского (Россия), К. Каутского (Германия), Ж. Лескюра (Франция), К. Викселля (Швеция), В. Парето (Италия). Тогда длинные волны фиксировались только в движении цен и процентных ставок и рассматривались как дополнение к «обычным» деловым циклам. Более фундаментальная разработка этой концепции пришлось на 1920–1940-е гг. Среди экономических работ в первую очередь следует назвать труды выдающегося русского экономиста Н. Д. Кондратьева (2002). Теория длинных волн Н. Кондратьева (К-волн) к настоящему времени довольно значительно доработана и адаптирована к современным реалиям (см., например, обзоры: Вагг 1979; Полетаев, Савельева 1993; Гринин, Коротаев 2012; Коротаев, Гринин 2012: 59–70; Акаев и др. 2012: 111–113; 2015; Гринин, Коротаев 2014a: 88–89). Значительное число экономистов и экспертов склоняются к тому, что глобальная экономика вступает в шестую К-волну, которая вполне может быть проинтерпретирована как новый этап *трансформации* глобальной экономики (Koshovets, Frolov 2014).

Однако необходимо сказать и о проблемах выделения собственно циклических колебаний на базе существующей статистики. Ключевой вклад в проблему выделения циклов внесли математики, разработавшие теорию случайных процессов и на ее основе – методы линейной фильтрации, спектрального анализа и другие, позволявшие анализировать частотную структуру временных рядов на уровне эмпирических данных.

В рамках теории случайных процессов меняется само значение понятия цикла и, в частности, трактовка проблемы существования длинных циклов. Так, в структуре каждого временного ряда имеются синусоидальные составляющие любого периода, поэтому выделение подобной составляющей, скажем, с периодами 3–4, 7–13 или 50 лет при большом желании исследователя, в принципе, возможно в почти любом временном ряду.

Поэтому требуется проведение различия между волнами (колебаниями) и циклами (которые обычно трактуются как синонимы). Согласимся с А. В. Полетаевым и И. М. Савельевой, что при выделении длинноволновых колебаний в явном виде исследователи должны решить несколько взаимосвязанных проблем (Полетаев, Савельева 1993: 13–22; 200–209), а именно:

1. Проблема «тренда». Поскольку большинство экономических показателей имеет повышательную динамику, то встает задача отделения длинноволновых колебаний от тренда, точнее, от временной составляющей, превышающей некую заданную величину (например, 70–80 лет). В теориях, связанных с теорией случайных процессов, «тренд» понимается как квазилинейные колебания с очень большим периодом, превышающим некоторую априори заданную величину. Понятно, что, априори задавая разные периоды квазилинейных колебаний, выделяют разные тренды.

2. Проблема «шума». Для выделения длинных волн необходимо также элиминировать влияние краткосрочных изменений рассматриваемого показателя, то есть колебаний, связанных с конъюнктурными, случайными факторами, а также с циклами меньшей продолжительности. «Шум» здесь определяется как все колебания с периодом существенно меньше анализируемых. Здесь неявной предпосылкой является обычно непрроверяемая гипотеза о случайной природе краткосрочных изменений.

3. Проблема «наблюдаемости». Очищенный от «тренда» и «шума» временной ряд определяемого показателя теперь должен иметь наглядную колебательную динамику с периодом, соответствующим или 7–13 (в случае торгово-промышленного цикла), или около 50–60 лет (согласно концепции Н. Д. Кондратьева [2002: 322–340]).

Заметим также, что для существенного различения волн и циклов дополнительно необходимо следующее: а) чтобы были ясно описаны, концептуализированы и операционализированы в рамках экономико-математической модели реальные (эмпирически проверяемые) общественные механизмы воспроизводства цикла; б) выделенный ряд должен быть привязан к реальной исторической шкале и географически локализован; в) методика выделения волновых колебаний должна быть проверяемой другими учеными, независимой от неявных предпочтений индивидуального исследователя (Фролов и др. 2011: 11–52).

Автор исходит из тезиса, что Н. Д. Кондратьев в целом верно описал общественные механизмы, приводящие к формированию длинных волн (или К-волн) для периода конца XVIII – первой трети XX в. Однако трансформация глобальной экономики во время так называемой Великой депрессии (1929–1939 гг.), переход к Бреттон-Вудской мировой валютной системе и формированию таких мировых институтов, как Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР, впоследствии развившийся в Группу Всемирного банка – ВБ), а также Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГААТ, которое в исторической перспективе трансформировалось во Всемирную торговую организацию – ВТО) сформировали качественно новую систему отношений и общественных механизмов, в корне изменивших динамику воспроизводства мировой экономики. Иначе говоря, к формализуемой задаче выделения цикла добавляется проблема сопоставления разнокачественных и неоднородных по сути динамик мировой экономики в разные исторические периоды своего развития.

Автор по своему генезису прикладной экономист, но имеет определенную методологическую позицию (Фролов 2009), которая, как правило, не предполагает акцента на критике взглядов ученых на те или иные экономические явления и процессы, а наоборот, их оригинальные тексты рассматриваются автором как некоторая наличная данность для исследователя, который должен их анализировать не на предмет выявления тех или иных эмпирических и/или теоретических неточностей или ошибок, а как материал для *реконструкции действительного положения дел*. Поэтому автор с большой для себя пользой прочитал ежегодные альманахи «Кондратьевские волны», изданные в 2012–2015 гг., но использовал их не для защиты или критики той или иной позиции, а для прояснения собственного, еще несовершенного понимания функционирования реальной экономики. Тем не менее хотелось бы особо отметить работу А. А. Акаева с соавторами (Акаев и др. 2012) с их очень правдоподобной гипотезой существования четырехфакторного механизма длинной волны, поучительную полемику Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева с А. С. Смирновым (Гринин, Коротаев 2014а; 2014б; Смирнов 2014), анализ В. Е. Дементьевым связи фаз длинной волны с изменением масштабов финансирования исследований и разработок (Дементьев 2015).

Исходный пункт ключевой проблемы, исследуемой в статье, заключается в том, что объяснительные схемы теорий экономической динамики сосредоточены на описании и моделировании общественных механизмов экономического роста и развития, но на практике почти нет моделей, которые бы объясняли, как и почему *экономический спад переходит в рост*.

Поэтому *ключевым вопросом*, на который требуется ответить в работе, является следующий: как (в том числе и каким теоретическим и мето-

дическим инструментарием) можно описать *трансформацию* общественного механизма роста в механизм спада и наоборот?

Для перехода к решению этой проблемы предварительно ответим на такой вопрос: а откуда берутся сомнения в том, что современные макроэкономические модели корректно прогнозируют экономическую динамику? Для короткого ответа сопоставим предполагаемую и фактическую динамику мировой экономики. В качестве репрезентативного примера рассмотрим результаты прогнозного моделирования макроэкономических моделей Международного валютного фонда (МВФ).

Обобщенные темпы роста экономик ряда стран и глобальной экономики в целом приведены в Таблице.

Прогнозные и итоговые оценки МВФ темпов роста экономик ряда стран и глобальной экономики в целом в 2008–2017 гг. (по ППС, %)

Прогнозные данные/ Факт Регион (страна)	2008		2009		2010		2011		2012	
	Окт. 2007	Факт	Окт. 2008	Факт	Сен. 2009	Факт	Окт. 2010	Факт	Сен. 2011	Факт
Мир	4,8	3,02	3,0	-0,51	3,1	5,41	4,2	4,22	4,0	3,46
Развитые страны	2,2	0,16	0,5	-3,41	1,3	3,08	2,2	1,73	1,9	1,20
США	2,3	-0,29	0,1	-2,78	1,5	2,53	2,3	1,60	1,8	2,22
Еврозона	2,1	0,47	0,2	-4,54	0,3	2,06	1,5	1,60	1,1	-0,88
ЕС	2,5	0,69	0,6	-4,29	0,5	2,02	1,7	1,83	1,4	-0,40
Великобри- тания	1,9	-0,47	-0,1	-4,19	0,9	1,54	2,0	1,97	1,6	1,18
Италия	1,3	-1,05	-0,2	-5,48	0,2	1,69	1,0	0,58	0,3	-2,82
Франция	2,0	0,20	0,2	-2,94	0,9	1,97	1,6	2,08	1,4	0,18
ФРГ	2,0	0,81	0,0	-5,57	0,3	3,95	2,0	3,72	1,3	0,61
Япония	1,7	-1,04	0,5	-5,53	1,7	4,71	1,5	-0,45	2,3	1,74
Развивающи- еся страны	7,4	5,76	6,1	2,97	5,1	7,42	6,4	6,29	6,1	5,27
Россия	6,5	5,25	5,5	-7,82	1,5	4,50	4,3	4,26	4,1	3,51
Бразилия	4,0	5,09	3,5	-0,13	3,5	7,53	4,1	3,91	3,6	1,92
Индия	8,4	3,89	6,9	8,48	6,4	10,26	8,4	6,64	7,5	5,62
КНР	10,0	9,60	9,3	9,20	9,0	10,61	9,6	9,46	9,0	7,70
ЮАР	4,2	3,19	3,3	-1,54	1,7	3,04	3,5	3,21	3,6	2,22

Окончание Таблицы

Прогнозные данные/ Факт	2013			2014		2015		2016 (прогноз)		2017 (прогноз)	
	Окт. 2008	Окт. 2012	Факт	Окт. 2013	Факт	Окт. 2014	Факт	Окт. 2015	Окт. 2016	Окт. 2015	Апр. 2016
Мир	4,7	3,6	3,28	3,6	3,41	3,8	3,09	3,6	3,2	3,8	3,5
Развитые страны	2,5	1,5	1,16	2,0	1,83	2,4	1,88	2,2	1,9	2,2	2,0
США	2,3	2,1	1,49	2,6	2,43	3,1	2,43	2,8	2,4	2,8	2,5
Еврозона	2,2	0,2	-0,3	1,0	0,89	1,4	1,64	1,6	1,5	1,7	1,6
ЕС	2,8	0,5	0,28	1,3	1,45	1,8	1,99	1,9	1,8	2,0	1,9
Великобри- тания	3,1	1,1	2,16	1,9	2,85	2,7	2,25	2,2	1,9	2,2	2,2
Италия	1,3	-0,7	-1,75	0,7	-0,34	0,9	0,76	1,3	1,0	1,2	1,2
Франция	2,8	0,4	0,66	1,0	0,18	1,0	1,14	1,5	1,1	1,7	1,3
ФРГ	1,7	0,9	0,41	1,4	1,52	1,5	1,45	1,6	1,5	1,5	1,6
Япония	1,7	1,2	1,36	1,2	-0,03	0,8	0,47	1,0	0,5	0,5	0,0
Развивающи- еся страны	6,9	5,6	4,91	5,1	4,60	5,0	3,98	4,5	4,1	4,9	4,6
Россия	5,5	3,8	1,28	3,0	0,71	0,5	-3,73	-0,6	-1,9	1,0	0,8
Бразилия	4,0	3,9	3,02	2,5	0,10	1,4	-3,85	-1,0	-3,8	2,3	0,0
Индия	8,0	6,0	6,64	5,1	7,24	6,4	7,34	7,5	7,5	7,5	7,5
КНР	10,0	8,2	7,7	7,3	7,3	7,1	6,9	6,3	6,5	6,0	6,2
ЮАР	5,0	3,0	2,21	2,9	1,55	2,3	1,28	1,3	0,6	2,1	1,2

Методический комментарий. Относительные совпадения прогноза и итоговых значений ВВП отмечены *серым фоном*. Критерии относительной точности прогноза: 1. В рамках краткосрочного прогноза (1 год): а) для статистических агрегатов («Мир» и «Развивающиеся страны») – ошибка до 0,6 % приростов ВВП, для стаггрегата «Развитые страны» – 0,4 %; б) для отдельных развитых стран – 0,2 %, для отдельных развивающихся стран – 0,7 %. 2. В рамках среднесрочного прогноза (до 4–5 лет): а) для статистических агрегатов («Мир» и «Развивающиеся страны») – ошибка до 1,2 %, для стаггрегата «Развитые страны» – 0,8 %; б) для отдельных развитых стран – 0,5 %, для отдельных развивающихся стран – 1,4 %.

Источник: World... n.d.

Из данных Таблицы видно, что в преддверии последнего мирового кризиса (октябрь 2007 г.), когда кризис только начинался как финансовый и экономисты даже не предполагали, что с осени 2008 г. он перерастет в экономический, прогнозная модель МВФ показывала безоблачное будущее, но даже осенью 2008 г., когда кризис уже начался, ожидания макроэкономистов МВФ все равно были излишне оптимистичны: предполагалось, что разви-

тые страны и мировая экономика в целом будут иметь *положительную динамику* в 2009 г. Спад прогнозировали только в отдельных развитых странах – Великобритании и Италии, и считалось, что там он будет *незначительным*.

Однако в действительности все произошло *с точностью до наоборот*: впервые за послевоенный период мировая экономика испытала мощное, хотя и *кратковременное, падение производства*, а спад оказался неожиданно *большим*. Более того, например, на 2013 г. (уже после выхода из предполагавшейся рецессии) снова прогнозировались достаточно высокие темпы роста мировой экономики (4,7 %). Это свидетельствует о том, что эксперты МВФ осенью 2008 г. в лучшем случае предполагали стандартный циклический кризис мировой экономики.

Что касается 2010 г., то прогнозные оценки восстановления национальных экономик (даже после учета предварительных данных об итогах первого полугодия 2010 г.) также содержат существенные отклонения от фактических данных, но уже в сторону пессимизма. Более того, на примере 2012 г. видно, что еще осенью 2011 г. эксперты МВФ *не заметили признаков начинающегося кризиса* в ряде ведущих стран Европы и ЕС в целом. Как исключение можно привести пример относительно точного совпадения прогнозных оценок динамики экономики КНР (которая «не заметила» мирового кризиса) с фактическими результатами. При этом, однако, необходимо учитывать, что китайская экономика очень отличается от экономик других стран и по самоназванию определяется как «рыночный социализм с китайской спецификой». Приемлемая точность краткосрочного прогнозирования временно восстановилась в 2011–2014 гг., но уже с 2015 г., и более явно в 2016 г., прогнозные оценки опять содержат излишне оптимистические гипотетические допущения об устойчивом посткризисном росте.

Подводя некоторые итоги, сформулируем тезис о том, что стандартные макроэкономические модели прогнозирования динамики мировой экономики как минимум работоспособны в прикладном аспекте в периоды устойчивого роста, но *малопригодны* для корректного прогнозирования *в кризисный период* и требуют введения внешних по отношению к этим моделям гипотез. На взгляд автора, в современной ситуации 2016 г. экстраполяция существующих тенденций также *представляется неоправданной*, так как подобные прогнозные оценки неявно предполагают, что природа современного кризиса понятна, а мировая экономика вплоть до нового циклического кризиса будет успешно развиваться. Это хорошо видно по прогнозным оценкам МВФ на 2016–2017 гг., которые предполагают новое повышение темпов экономического роста.

Автор статьи, напротив, исходит из базовой для него гипотезы (Фролов и др. 2011: 102–109), что мировая экономика находится *на этапе гло-*

бальной системной перестройки, сопоставимой по последствиям (с учетом новых исторических реалий) с Великой депрессией 1930-х гг. (и отчасти с последовательностью кризисов 1970-х гг.), что, в свою очередь, должно сопровождаться серией возобновления кризисных волн, элиминирующих накопленные диспропорции. Важно, что собственно системная перестройка мировой экономики не сводится к кризисным явлениям, а включает становление новых типов капитала, технологических укладов, в том числе новых типов современных инноваций и т. д. (Koshovets, Frolov 2014).

Методологические и теоретические основания гипотезы

Ключевыми для понимания поставленных проблем являются концептуализация взаимодополняющих категорий объективации и воспроизводства и понятие производительного капитала. Под *общественной объективацией* здесь понимается фиксация структуры (то есть сохранение некоторого инварианта) общественных феноменов, взаимодействий, практик, возникновение новой сферы деятельности людей, что взаимообусловлено как воспроизводством самих общественных объектов, так и воспроизводством части условий, обеспечивающих их существование. А под *общественным воспроизводством* понимается квазипериодически повторяющееся воссоздание локальных общественных объективаций в связанных с ними актах других объектов и субъектов. Результатом воспроизводственного цикла является воссоздание субъекта производства, структуры и условий производства, а также результатов производства, которые по совокупности становятся началом нового цикла. При этом важно, что воспроизводство никогда не бывает полным, то есть при этом меняются как сами общественные объекты, так и условия их существования (Кошовец, Фролов 2013).

Чтобы прояснить центральную гипотезу работы, попробуем проблематизировать основания традиционных экономических теорий. Предварительно укажем, что наше исследование исходит из различения таких сфер деятельности, как *экономика* и *хозяйство* (русский термин «народное хозяйство» практически представляет собой кальку с немецкого *Volkswirtschaft*). В современной литературе *Volkswirtschaft* и *national economy* используются как синонимы, но с точки зрения истории ряда научных традиций это не так. Еще в XIX в. в немецком языке понятия *Ökonomie* и *Wirtschaft* существовали как взаимодополняющие, поэтому в работах некоторых немецких и австрийских авторов (например, немецкой исторической школы в политэкономии, К. Маркса и др.) в ряде случаев проводилась относительно видимая грань между теорией хозяйства (нем. *Wirtschaftstheorie*), которая предполагала анализ «производства для себя», и политической экономией (нем. *politische Ökonomie*), как правило, рас-

смагивающей проблемы производственных отношений в первую очередь сквозь призму *товарного хозяйства и рыночного обмена*. Уже во французских и итальянских экономических школах это не так, хотя некоторые выдающиеся французские и итальянские ученые также стремились обозначить отличия *Wirtschaft* от *Ökonomie*. Так, в частности, известный исследователь истории хозяйственного развития Ф. Бродель неоднократно подчеркивал отличия «материальной жизни» (фр. *vie matérielle*) и связанной с нею «элементарной экономики» (фр. *économie très élémentaire*) как «не-экономики», отличной от «экономики» в привычном «для французского читателя смысле» (Braudel 1979: 7); итальянский экономист и социолог Дж. Арриги определенно обуславливает развитие буржуазного типа хозяйства с экспансией экономического начала, называя докапиталистические производственные порядки «неэкономическими» (non-economic) (Arrighi 1994: 10).

К сожалению, английская и американская теоретические традиции изучения экономики оказались не приспособлены к различению этих сущностей. Если в немецком языке политэкономии XIX в. система общественного производства как совокупность хозяйственных и технологических отношений и народное хозяйство как данность, противостоящая иным существующим в мире экономикам, разграничиваются как *Volkswirtschaft* и *Nationalökonomie*, то англоязычные авторы применяют понятие «*economy*» для обозначения *любой хозяйственной деятельности*, что отражается, например, в термине *household economy* (домашнее хозяйство). Отсутствие в английском языке термина, комплементарного понятию *economy* и оттеняющего его ограниченное значение, приводит к тому, что сомнения в *неизменности и вечности* общественного феномена, обозначаемого как *economy*, практически незнакомы англоязычным экономистам и социологам. Справедливости ради надо сказать, что ряд крупных англоязычных авторов (специалистов по истории экономических отношений) все же пытаются зафиксировать такие различия (например, К. Поланьи [Polanyi 2001]), но, к сожалению, это скорее исключение, да и большинство современных немецкоязычных авторов давно перешли на понимание, принятое в мейнстриме.

Однако для предмета нашего исследования необходимо различать *экономику* и *хозяйство* как сферы деятельности, конституирующие разные «объемы» общественного воспроизводства. Так, в частности, когда К. Маркс использует категорию «хозяйство», он предполагает рассмотрение прежде всего *воспроизводства материальных условий* человека в родовом смысле (в семье, общине, внутри производства как предприятия). Здесь одним из ключевых признаков сферы хозяйства является обеспечение *рекреации* – производства человека не только как субъекта, но и как самостоятельного объекта деятельности, то есть восстановление его сил

и возможностей, которые в аспекте рабочей силы были *потреблены* в сфере общественного производства (то есть в *экономике*). Понятно, что в настоящее время производство человека расширено натуральным производством и теперь включает потребление приобретенных товаров и услуг, генерируемых современной экономикой. Но в исторической ретроспективе подавляющая доля производимой продукции создавалась внутри общины и лишь часть приобреталась путем меновой торговли.

С такой теоретической позиции выделим **хозяйство** – как определенное единство производства и потребления *внутри* хозяйствующего общественного субъекта (предприятия, семьи и т. д.) и *вне* рыночных отношений.

Теперь посмотрим на это с другой позиции. Господствующая неоклассическая экономическая теория неявно построена на тезисе: все экономические процессы являются *однородными* с точки зрения единого типа богатства – *стоимости*. Но в исторической ретроспективе это открытая проблема: изначально богатство было в натуральной форме и *неоднородно*, например земля, скот, оружие, рабы, драгоценные металлы и пр. Для исторически базового типа отношений лучше всего использовать наименование «хозяйство» (в частности, натуральное, но исторически почти всегда – меновое). Хозяйство воспроизводит материальные условия жизни общества (продукты и услуги), *присваивая* предметы природы, но *не воспроизводит* при этом *стоимость*, а воспроизводство меновой стоимости (нем. *Tauschwert*) в меновом хозяйстве носит локальный и подчиненный характер, связанный с присвоением рабочей силы (рабов) из внешнего мира. Только с появлением такой сложной общественной объективации, как *производительный капитал* (первая историческая форма – мануфактурная промышленность), объективируется собственно современная экономика как *динамика общественного производства* (то есть расширенное воспроизводство стоимости). Соответственно, *производительный капитал* понимается здесь как общественная объективация, обеспечивающая процесс расширенного воспроизводства стоимости, в которой определенным образом объединяются: субъект капитала (предприниматель, владелец предприятия и технологий); наемная рабочая сила (индивиды, лишенные собственности на средства производства); объект капитала (средства производства и предметы труда); условия производства; деятельность рабочих и управляющих по преобразованию предметов труда с помощью средств производства в новый продукт; результаты этой деятельности, то есть продукт, который становится товаром; действия субъекта капитала по организации производства, сбыта товаров и присвоению части получаемого дохода.

Другими словами, экономика возникает как *обособление* денежного хозяйства и в ходе своего функционирования расширенно воспроизводит

стоимость начиная с эпохи становления и объективации производительного капитала. Дополнительно капитал порождает новый тип присвоения – *присвоение технологического способа производства*, что порождает новую *неоднородность* глобальной экономики – **технологическую**.

Подводя определенные итоги вышесказанного, ответим на вопрос: как кратко различить экономическое от неэкономического? Различение возможно при определении воспроизводства *стоимости* как одного из *типов богатства*:

1. **Хозяйство** (когда богатство существует в натуральной форме и неоднородно) – это воспроизводство материально-вещественных условий «образа жизни» общественных субъектов (общин, семей, производств и т. п.). Хозяйство *присваивает* предметы природы и организует производство и потребление продуктов *для себя*, то есть не воспроизводит *стоимость*. Добавим, что хозяйства внутри себя обеспечивают единство «коротких» (или «близких» в топологическом смысле) общественных связей между членами *внутри* этого локального хозяйства. Исторически на базе менового хозяйства, развиваясь, выделяется и обособляется самостоятельная общественная объективация – *рынок*, который совместно с развитием государства порождает и *денежные отношения*.

Таким образом, хозяйственные системы (например, Античности) представляют собой сложный синтез хозяйства как материнской (первичной) реальности с рыночным хозяйством (протоэкономикой), которое организует новый тип единства «длинных» (и «продолжительных» во временном аспекте) общественных связей *между локальными хозяйствами* (общинами, предприятиями и т. д.).

2. **Экономика** возникает как *обособление* денежного хозяйства (и постепенно становится автономной от сложного синтеза хозяйства как «базиса» и протоэкономики как «надстройки») на базе воспроизводства отношений капитала и начинает расширенно воспроизводить *производство-для-другого* («общественное производство»), то есть расширенно воспроизводит *стоимость*.

Таким образом, если хозяйство – это производство и потребление продуктов *внутри* некоторого сложно организованного общественного субъекта (предприятия, общины, семьи), то экономика – это дополнительный уровень взаимодействия и интеграции *между* локальными экономическими агентами посредством рыночных отношений. Меновое хозяйство – это производство и потребление в основном для себя, но при этом возникают излишки производимой продукции, которыми обмениваются между общинами, а в ряде случаев и внутри сложноорганизованного общественного субъекта. Процесс «оденеживания» («монетизации») менового хозяйства порождает уровень цен, который существенно *ниже*, чем цены развитого рынка. В рамках современной глобальной экономики архаичные формы

хозяйства присутствуют не только на периферии, как это отмечают исследователи, в том числе и Ф. Бродель, но и, например, как *подчиненные моменты* в сложноорганизованной экономике корпораций. Такие экономические отношения, которые тесно связаны с отношениями менового хозяйства, можно, как уже отмечалось выше, условно назвать «элементарной экономикой», что позволяет, например, вводить так называемое «трансфертное ценообразование». Экономика в собственном смысле (*per se*) принципиально изменяет целеполагание и результаты общественного воспроизводства: доминирующим становится *производство-для-другого* (а не *производство-для-себя*), а рынок становится *необходимым* и органичным моментом воспроизводства экономических отношений.

В работе также предполагается, что в настоящее время происходит становление **нового типа богатства** – на основе расширенного воспроизводства *финансовых активов*. Воспроизводство сферы финансовых активов порождает и дополнительный тип присвоения – *присвоение избыточного капитала в денежной форме*.

Теперь необходимо перейти от абстрактных определений к анализу последних тенденций развития мировой и российской экономики.

Тенденции развития мировой экономики

Из анализа Таблицы на с. 131–132 и ряда других источников (Trade... 2015; Global... 2016; International... 2016) можно констатировать, что:

1. После так называемого посткризисного отскока в 2010 г. темпы роста мировой экономики в 2011–2016 гг. устойчиво снижаются (с 4,2 % в 2011 г. до, скорее всего, менее 3,0 % в 2016 г.). При этом развитые страны после конъюнктурного повышения в 2014–2015 гг. с 2016 г. снова (хотя и медленно), но последовательно скатываются в рецессию, а темпы экономического роста развивающихся стран за анализируемый период замедлились почти в 1,6 раза.

2. Предварительные оценки мировой торговли свидетельствуют, что объем импорта товаров и услуг в 2015 г. вырос лишь на 1,7 % по сравнению с 2,8 % в 2014 г. (Global... 2016: 3). Мировой экспорт, по данным статистики ОЭСР, в 2015 г. вырос на 2,6 %, но уже в первом квартале 2016 г. сократился на 0,2 % в годовом выражении. Все это заметно ниже средних в 1990–2000-е гг. среднегодовых темпов прироста на уровне 5,1 % (Trade... 2015). Слабый, хотя и положительный рост мировой торговли товарами в 2015 г. является увеличением ее физических объемов, но в стоимостном выражении показатели международной торговли, по предварительным оценкам, значительно сократились: с 19 до 16,5 трлн долларов. Причинами этого стали значительные колебания обменных курсов валют и *падение цен на сырьевые товары*, вызванное развертыванием кризисных явлений

ний. По отчетам Всемирного банка «Commodity Markets Outlook» видно, что в 2015 г. снизились 9 ценовых индексов по основным видам сырьевых товаров. По предварительным данным, в третьем квартале прирост экспорта стран G-20 с коррекцией на сезонность замедлился до 0,1 %.

3. Частные вложения в инфраструктурные проекты в энергетике за 2015 г., по данным Всемирного банка, *сократились на треть*, составив всего 111,6 млрд долларов.

4. После финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. сначала центральные банки Дании и Швеции (2012 г.), потом Национальный банк Швейцарии и Европейский центральный банк (2014 г.), а с 1 февраля 2016 г. и Банк Японии ввели *отрицательную ставку по депозитам*. Это означает, что банки ограничены в возможностях прибыльного размещения своих активов, а следовательно, исчезли источники для выплаты процентов по пассивным операциям.

5. Суммарный приток капитала в страны с низкими и средними доходами, по данным Всемирного банка, в 2014 г. составил 1132 млрд долларов, причем в виде прямых и портфельных инвестиций – 667 млрд долларов, а в виде займов и кредитов – 464 млрд долларов (International... 2016: 19). Получение развивающимися странами новых займов и кредитов становится источником постоянного роста их внешнего долга. Вот как выглядит динамика внешнего долга этих стран в последние годы: 2000 г. – 1,743 трлн долларов; 2005 г. – 2,091; 2010 г. – 3,631; 2012 г. – 4,564; 2014 г. – 5,392 трлн долларов. Таким образом, за полтора десятилетия величина внешнего долга в текущих ценах увеличилась в 3,1 раза. Но долговая ситуация в экономически развитых странах еще хуже. За пятилетний период (2010–2014 гг.) валовой внешний долг экономически развитых стран увеличился на 6 трлн долларов, или на 8,5 %, достигнув 70 трлн долларов. По данным Всемирного банка, отношение валового внешнего долга экономически развитых стран к показателю их ВВП в 2014 г. было равно примерно 140 %. Это в 6,3 раза выше показателя по странам с низким и средним уровнем доходов. В Канаде этот показатель равен 83 %, в ФРГ – 145 %, а в Великобритании – 313 % (*Ibid.*).

6. Соотношение темпов роста мировой торговли и прироста мирового валового продукта в 2012–2015 гг. изменилось противоположным образом: если до финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. на протяжении почти целого десятилетия международная торговля имела темпы прироста, превышавшие темпы прироста мирового валового продукта в среднем в 2 раза, то с 2012 г. приросты мировой торговли, наоборот, *отстают* от приростов мировой экономики, исчисляемых по ППС (Global... 2016: 5, 20).

США и Евросоюз

Тенденции экономического развития США в 2016 г. выглядят следующим образом (Bureau... 2016):

1. ВВП США по итогам второго квартала 2016 г., по данным министерства торговли, предварительно вырос на 1,2 % (к соответствующему периоду предшествующего года), что вдвое *ниже ожидаемых* темпов роста. Показатели оказались слабыми из-за инвестиций, объем которых в апреле – июне сократился на 3,2 %. В первом квартале 2016 г. ВВП увеличился на 0,8 %. Такой слабый рост происходит несмотря на то, что модель для вычисления ВВП США была изменена в 2015 г., в частности, для того чтобы начало года выглядело лучше. Без такой «корректировки», вероятно, статистика показала бы отрицательный рост в начале 2016 г.

2. Объем промышленного производства в текущем году падает все время: в июне снизился на 0,7 %, в мае и апреле – на 1,1 %, в марте, феврале и январе – соответственно на 2,0, 1,0 и 0,7 % (к соответствующему периоду предшествующего года). Понятно, что рост американской экономики в 2016 г. осложнится слабостью промышленного сектора. Снижение объема производства продолжается за счет добычи нефти и газа из нетрадиционных источников.

3. Уровень безработицы в июне 2016 г. вырос до 4,9 % экономически активного населения, скорость создания рабочих мест во втором квартале 2016 г. оказалась наиболее низкой с 2012 г.

4. Общие продажи в бизнесе падали в течение почти двух лет, и теперь они примерно на 15 % ниже, чем были в конце 2014 г. Прибыль компаний, входящих в S&P 500, снизилась на 7,1 % в первом квартале 2016 г. по сравнению с тем же периодом времени год назад. Доходы корпораций уменьшились за последние четыре квартала. В апреле американское железнодорожное сообщение сократилось на 11 % по сравнению с тем же месяцем в 2015 г. (Durden 2006).

Возрастает дифференциация доходов населения. Последние данные Налогового управления США (IRS) показывают, что в 2015 г. доходы 99 % семей выросли на 3,9 % по сравнению с 2014 г. Однако доходы семей, входящих в верхний 1 % населения, выросли еще быстрее – за тот же период они увеличились на 7,7 %.

После резкого снижения на 11,6 % с 2007 по 2009 г. реальные доходы 99 % семей показали небольшой прирост на 1,1 % в период с 2009 по 2013 г., а затем еще на 6 % с 2013 по 2015 г. Таким образом, через шесть лет после окончания кризиса 2007–2009 гг. эти семьи восстановили лишь около 60 % потерь дохода в отличие от семей, которые находятся на вершине «шкалы доходов».

Неравенство доходов в США достигло очень высоких уровней. Доходы (с поправкой на инфляцию) «верхнего» 1 % населения семей выросли с 990 тыс. долларов в 2009 г. до 1,36 млн долларов в 2015 г. (на 37 %). Доходы 99 % семей выросли лишь на 7,6 % – с 45,3 тыс. долларов в 2009 г.

до 48,8 тыс. долларов в 2015 г. В результате 1 % семей зарабатывают 52 % от общего роста реального дохода на семью с 2009 г., а 99 % – лишь 48 % от общего роста реальных доходов.

Неравномерное восстановление доходов протекает наравне с долгосрочным расширением неравенства с 1980 г., когда 1 % семей начал захватывать непропорционально большую долю экономического роста.

Последние тенденции экономического развития Евросоюза в 2016 г. выглядят следующим образом (Eurostat 2016):

1. ВВП ЕС по итогам второго квартала 2016 г., по предварительным данным, вырос на 1,8 % по сравнению со вторым кварталом 2015 г., а в первом квартале 2016 г. – также на 1,8 % (ВВП еврозоны – соответственно на 1,6 и 1,7 %). В частности, экономика ФРГ выросла на 1,7 % по итогам второго квартала против 1,8 % в первом квартале; ВВП Франции вырос на 1,4 % по итогам второго квартала против 1,3 % в первом квартале. Лучшие результаты на континенте у Румынии – 5,9 % по итогам второго квартала и 4,2 % – в первом квартале; у Словакии – соответственно 3,7 и 3,7 %; у Испании – соответственно 3,2 и 3,4 %. На другом конце полюса – Греция: ее ВВП во втором квартале этого года снизился по сравнению с тем же периодом 2015 г. на 0,7 %, а в первом квартале – на 0,8 %.

2. Уровень безработицы в странах еврозоны продолжает сокращаться: в мае – июне он составил 10,1 % экономически активного населения после 10,2 % в апреле, это минимальный уровень с 2011 г.

3. Промышленное производство еврозоны в мае 2016 г. снизилось на 1,2 % в месяц и выросло на 0,5 % в год (в апреле было +1,4 % и +2,2 %); по ЕС в целом –1,1 % и +1,1 %, а в апреле – на 2,0 % после 0,2 % в марте, рост наблюдался по всем товарным группам.

Россия

Российская экономика находится на стадии затяжной рецессии. Кризисные явления в своем развертывании прошли ряд этапов (Итоги... 2016):

Первый этап: четвертый квартал 2014 – первый квартал 2015 г., когда происходят:

- резкое падение курса рубля;
- отложенный спад товарооборота после его конъюнктурного скачка в конце 2014 г. (на фоне ожиданий дальнейшей девальвации рубля);
- рост нагрузки на доходы компаний со стороны выплат по внешнему долгу, снижение возможностей для рефинансирования долга;
- проведение жесткой денежной политики Банком России (высокий уровень процентных ставок), призванной дестимулировать давление на обменный курс рубля;
- быстрое снижение инвестиций, обусловленное сочетанием ряда негативных факторов (снижение доступности инвестиционных ресурсов, снижение мотивации к инвестированию из-за диспаритета между доходностью финансовых активов и рентабельностью бизнеса);

– существенное падение импорта на внутреннем рынке (доля импорта на розничном рынке снизилась с 43–44 % в 2010 – 2013 гг. до 38 % в 2015 г.).

Основным содержанием государственной антикризисной политики в конце 2014 – первой половине 2015 г. была попытка «точечного» предотвращения/подавления наиболее жестких проявлений кризиса. Основные усилия были направлены на недопущение волны банкротств компаний (главным образом крупных, занимавших в валюте) в условиях ослабления рубля и ограниченности возможностей рефинансирования долга, особенно внешнего.

Сверхжесточение процентной политики, осуществленное Банком России в конце 2014 г. (повышение ключевой ставки с 9,5 % до 17 % годовых), вызвало сжатие кредитного рынка и резкий скачок неплатежей по банковским кредитам, в том числе корпоративным, составляющим основу кредитного портфеля банковской системы. Одновременно это повышение привело к масштабному росту процентных расходов банков по привлеченным средствам, который банки не смогли компенсировать за счет получения более высоких процентных доходов. Суммарно это стало причиной убытков банковского сектора, что, в свою очередь, обусловило декапитализацию банковской системы.

На этом этапе российское правительство предполагало, что ситуация быстро стабилизируется и после окончания коррекционного спада конечного спроса и производства можно будет ожидать начала макроэкономической стабилизации, а в перспективе к четвертому кварталу 2015 – началу 2016 г. и перехода к росту. Но в реальности этого не произошло, хотя во втором и третьем кварталах 2015 г. наблюдалась непродолжительная макроэкономическая стабилизация.

Второй этап: четвертый квартал 2015 г. – первое полугодие 2016 г. С четвертого квартала 2015 г. начинается *вторая волна кризиса* после очередного падения цен на нефть. Снижение мировых цен стало для российских компаний важным сигналом, что кризис приобретает длительный характер, и это дополнительно наложилось на очередной пик выплат по внешнему долгу и сезонный максимум спроса на импорт. Результатом стала очередная волна девальвации рубля и кризис доверия к макроэкономической устойчивости. Одновременно сохранилась тенденция к снижению инвестиций в основной капитал (падение более чем на 15 % к уровню лета 2013 г.), обусловленная сжатием финансовых ресурсов, диспаритета доходности бизнеса и процентных ставок.

По оценкам Минэкономразвития РФ, в первом квартале 2016 г. снижение экономики России составляло 1,2 % к соответствующему периоду 2015 г., а во втором квартале – примерно 0,6 %. Основное влияние на замедление экономического спада во втором квартале оказали промышленное производство, транспорт, сельское хозяйство. Отрицательное влияние продолжают оказывать строительство и розничная торговля. Средний

уровень безработицы за первое полугодие составил 5,7 % (О текущей... 2016: 3–4).

В промышленности, по оценкам Росстата, со второго квартала индекс промпроизводства неуклонно повышается (со 100,5 % в апреле до 100,7 % в мае и 101,7 % в июне), однако это связано исключительно с «эффектом базы» – снижением производства в течение второго квартала 2015 г. Более корректные оценки Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) (с более точным алгоритмом учета календарного и сезонных факторов и элиминированием ошибок счета) показывают, однако, что в промышленности с зимы 2016 г. наблюдается вялотекущая стагнация со знаком минус. В первом квартале 2016 г. снижение промышленного выпуска к соответствующему периоду 2015 г. составило 1,4 %, а во втором квартале 2016 г. – 0,9 % (О производстве... 2016).

Результатом кризиса стало формирование слоя «новых бедных». Уровень потребления населением продуктов питания снизился до уровня начала 2008 г. Важно отметить, что потребление непродовольственных товаров «просело» значительно слабее – всего до уровня середины 2011 г., что является признаком резкого роста дифференциации населения по доходам. За 2015 г. доля нищих возросла более чем в два раза (с 4 % до 9 %), а доля бедных – с 18 % до 30 %.

Сжатие доходов бюджетной системы в условиях слабой внешнеэкономической конъюнктуры (произошло сокращение нефтегазовых доходов бюджета с 9,5 % ВВП в 2014 г. до 7,3 % ВВП РФ по итогам 2015 г.) и экономического спада на фоне сохранения высоких потребностей в расходах (слабо эластичных к сжатию доходов как бюджетной системы, так и экономики в целом) привело к возникновению хронического бюджетного дефицита (Итоги... 2016).

Предварительные выводы из анализа мировой экономической динамики следующие:

1. С 2014 г. мировая экономика после посткризисного отскока вступила в фазу торможения роста, и хотя прогнозы международных институтов на 2016–2017 гг. показывают повышение динамики, скорее всего, они *излишне оптимистичны*. Ключевая проблема – это исчерпание современного типа экономического развития, основанного на беспрецедентном наращивании долговой пирамиды, которая перестала стимулировать рост производства реального сектора.

2. Для США и ЕС возможны существенное замедление роста с первого квартала 2017 г., низкие объемы промышленного производства, замедление скорости создания рабочих мест.

3. Индия и КНР замедляют свой экономический рост. Индия в 2015–2016 гг. обогнала Китай по темпам роста, но дальше обе страны ожидает ухудшение экономического положения.

4. Экономика Японии балансирует на грани рецессии, а Бразилия, как и Россия, находится в кризисе.

5. Российская экономика реально уже с осени 2013 г. начала скатываться в автономную рецессию, хотя кризисные явления перешли в открытую форму только с осени 2014 г. Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что до конца 2015 г. развертывание кризисных явлений в российской экономике носило автономный характер, обусловленный структурой и особенностями воспроизводства собственно страновой экономики. А вот примерно с зимы 2016 г. углубление кризисных явлений провоцируется пока еще вялотекущим мировым кризисом, который начался с кризиса перепроизводства в 2015 г. в сырьевых отраслях.

Гипотеза трансформации общественного механизма спада во время рецессии в механизм экономического роста

С учетом вышеизложенного сформулируем гипотезу функционирования глобальной экономики:

– глобальная экономика представляет собой сложный, неоднородный синтез различных типов общественных объективаций – локальных хозяйств, собственно экономики, финансов и финансовых активов;

– этот синтез принципиально динамичен, причем рост в начале каждого бизнес-цикла (цикла Жюгляра) относительно сбалансирован: экономика стимулирует развитие мирового хозяйства, а развитие финансов и финансовых активов стимулируют развитие экономики;

– однако капитал (в том числе и в финансовой форме) развивается *быстрее*, чем его базовые материальные производства (в том числе и хозяйственные отношения), что обуславливает накопление новых диспропорций.

Сфера финансовых активов, соответственно, растет *быстрее* мировой экономики благодаря общественному механизму *присвоения* стоимости из реального сектора за счет расширенного воспроизводства долговых обязательств. При этом накопление долговых обязательств, предшествующее кризису, по некоторым данным, происходит до 20–25 лет, что существенно длиннее классического бизнес-цикла (7–11 лет).

Каждая новая конфигурация всех этих типов общественных объективаций в рамках очередного экономического периода развития *уникальна*. В ее рамках сочетание конкретных типов капиталов в конечном итоге порождает условия, провоцирующие новый кризис.

Мировые финансовые и экономические кризисы следует рассматривать как процессы *разрушения* таких конфигураций (временных синтезов), воспроизводящихся и взаимодействующих общественных объективаций. После завершения очередного мирового кризиса, который частично ликвидирует диспропорции, связанные с перепроизводством различных ти-

пов капитала, возникает новый синтез, позволяющий расти мировой экономике и мировым финансам за счет:

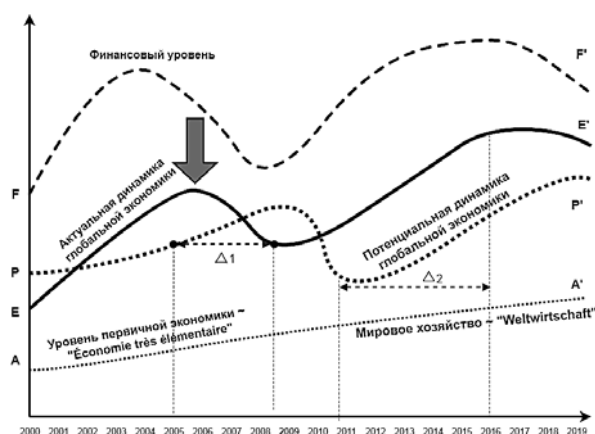
- роста определенной части хозяйств (материальных производств);
- разрушения еще не полностью капитализированных хозяйств.

При этом сами кризисы характеризуются обесцениванием всех типов богатств:

- денежных средств, а также сокращением товарного производства (с возможной дефляцией);
- всех типов производительного капитала, включая банковский, что выражается в повышении ставок по кредитам для элиминирования рисков;
- финансовых активов (падением фондовых рынков).

Современный кризис, поразивший мировую экономику, *не является* классическим экономическим кризисом, так как он в действительности спровоцирован перенакоплением финансового, а не производительного капитала.

Суть проведенной реконструкции кризисных явлений заключается в гипотезе, предполагающей, что финансовый кризис 2007–2008 гг. спровоцировал экономический кризис *преждевременно*, так как экономические проблемы в глобальной экономике должны были начаться позднее – примерно к 2011 г. В результате произошел «сдвиг» начала мирового экономического кризиса на более ранний срок (см. Рисунок).

Условная схема «сдвига» потенциала роста и времени спада мировой экономики

Пояснения: $F-F'$ – уровень верхней границы воспроизводства финансовых активов; $E-E'$ – уровень фактической динамики собственно мировой экономики; $P-P'$ – уровень потенциальной динамики мировой экономики; $A-A'$ – уровень «поддержки» падения мировой экономики, который представляет нижнюю границу воспроизводства элементарной экономики, базирующейся на воспроизводстве «мирового хозяйства».

Соответственно, гипотеза «сдвига» времени начала мирового экономического кризиса заключается в следующем:

1. Потенциальный рост мировой экономики в рамках бизнес-цикла мог бы продолжаться примерно до 2010–2011 гг. В этом интервале времени потенциал экономического роста должен был исчерпаться и наступил бы классический экономический кризис. Однако в 2007–2008 гг. зародился и начался *кризис перепроизводства* собственно сферы финансовых активов (накапливаемых еще с начала 1980-х гг.). Этот финансовый кризис вызвал преждевременный спад глобальной экономики в целом (в 2009 г.) и отбросил мировую экономику назад примерно на уровень 2005–2006 гг. (Δ_1) (см. Рисунок), что создало условно предполагаемый «внеплановый» потенциал ее развития.

2. Упрощенные оценки показали (Фролов и др. 2011: 102–109), что в этой ситуации «сдвиг» потенциального роста (Δ_2) таков, что новый – уже собственно экономический – кризис в России должен был наступить в 2012–2014 гг., а кризис глобальной экономики – примерно в 2014–2016 гг. (но мог сдвигаться вправо по временной оси из-за сверхмягкой денежной политики Федеральной резервной системы – ФРС).

3. Экономический кризис в рамках теоретической конструкции, используемой в работе, – это процесс *обесценивания* перепроизведенного капитала, что, в частности, означает перепроизводство товаров и, соответственно, чрезмерное увеличение *запасов* нераспроданной продукции. Де-факто это процесс *суженного* воспроизводства стоимости (собственно экономики), возрождение бартерных отношений и пр. Соответственно, экономические агенты вынуждены резко *снижать* относительные цены (в том числе *ниже* уровня локальной равновесной стоимости), чтобы получить хоть сколько-нибудь значимый доход от сокращаемого производства.

4. Но при этом начинается *неоднородное* увеличение *производительного потребления* локальных хозяйств: как скупки (по остаточной стоимости) при банкротствах фирм средств производства выжившими предприятиями, так и покупки домашними хозяйствами на распродажах запасов по сверхнизким ценам потребительской продукции вплоть до сложных видов техники.

5. *Расширение* «мирового хозяйства» как совокупности локальных хозяйств, то есть увеличение количества потребителей определенного типа продукции (как частного, так и производственного), при относительном снижении цен *создает новую базу* для будущего расширения экономической активности. При этом на базе расширения мирового хозяйства заново возникает новая «элементарная экономика», использующая для своего воспроизводства цены существенно ниже прежних (докризисных) ценовых пропорций.

6. При этом происходят перестройка экономических связей и возникновение новых сфер деятельности (новообразование), а следовательно, и новых типов капитала, которые начинают развиваться быстрее, чем вся экономика в целом.

Иначе говоря, спад экономики – это фаза *разрушения* «старых» экономических отношений, но *одновременно* это фаза *расширения* мирового хозяйства и формирования «новых» экономических отношений, обладающих определенным потенциалом развития.

В таком контексте формирование «новых» экономических отношений можно рассматривать в широком смысле как определенные типы нововведений.

Нововведение в таком аспекте есть процесс возникновения и становления новой сферы человеческой деятельности, связанной с появлением ключевых изобретений (общественно значимых для определенного времени и социума). Такие новые сферы деятельности формируются на основе развития производительного капитала, который, в свою очередь, объективирует способ применения передовых технологий (в том числе присвоения технических знаний на коммерческую разработку передовой техники и технологий) на финальных звеньях материальной структуры мировой экономики.

Различение нововведений I и II типа описывалось автором ранее (Frolov 2012). Инновации различаются как движение производительного инновационного капитала (*инновации I типа*) и движение финансового (венчурного) капитала (*инновации II типа*) (*Ibid.*: 109–113).

С учетом вышесказанного реальный генезис современных инноваций в рамках второй научно-технической революции приводит к тенденции *снижения капиталотдачи и других эффектов инновационных процессов*. Поясним это подробнее.

С 1950-х гг. по факту произошла смена трех крупных форм научно-технического прогресса (НТП):

1. Возникновение и объективация такой формы организации научных и инженерных знаний и деятельности проектных и конструкторских коллективов, как НИОКР. НИОКР позволяют в приемлемые сроки завершить разработку прототипа изделия. Ключевая функция: в рамках НИОКР объективируется заказчик, который ставит цели проектанту и конструктору изделия. Иначе говоря, возникает и объективируется воспроизводство *множества решаемых проектантом задач*, которые создаются и *задаются внешним заказчиком*.

2. В 1960-е гг., сначала в США, появляется венчурный капитал, так как на предшествующем этапе возник избыток проектных организаций, которые предъявляют спрос на риск-инвестиции. Возникает и объективируется

новая форма НТП – инновационный бизнес-цикл, при котором проектировщик *самостоятельно* ставит цели собственного развития и затем пытается самостоятельно организовать сбыт инновационной продукции. Следствие: возникает так называемая кастомизация новой продукции, в рамках которой воспроизводится постоянное *преобразование целей* потребителя. Иначе говоря, потребитель приходит с одной целью, а продавец его убеждает сменить цель потребления. В этом случае потребление становится инновационным.

По факту кастомизация инновационной продукции – это *воспроизводство решаемых задач*, которые *задаются* самим разработчиком (и производителем) *совместно* с потребителем. Побочный эффект: продавец, как правило, должен иметь *высшее образование*, чтобы успешно преобразовывать цели покупателя. То есть возникает спрос на наемный персонал с высшим образованием, но работающий не по специальности.

3. С 1980-х гг. начинается переход к так называемой «экономике, основанной на знаниях» («экономике знаний»). При этом возникает спрос на выделение *обобщенного класса решаемых задач*, то есть с точки зрения организации процесса появление нового типа задач – это и есть так называемая *миссия* фирмы. Это приводит к возникновению обобщенного типа организации, в которой создание инноваций подчинено миссии, что позволяет риск-инвестору создавать «распределенные» организации, которые объективируют функцию соподчинения, то есть создают общее действие субъектов согласно общей цели функционирования (то есть миссии). Соответственно, возникают условия для развития аутсорсинга и устойчивого роста «глобальных цепочек создания стоимости» (global value chains – GVCs) (Interconnected... 2013).

Разработчику это дает возможность не формировать цены на основе прежних пропорций (себестоимости), нормативов, затрат на предшествующие НИОКР и т. д., а реализовывать попытки объективировать учет *будущих стоимостных пропорций*. Иначе говоря, современный инноватор (актор экономики знаний) действует, заранее предполагая, что в *будущем* должны возникнуть новые периферийные рынки сбыта создаваемой инновационной продукции, с которых можно будет *перераспределить доход* обратно в «ядро» той экономики, где проживает создатель инноваций.

Побочный эффект: в рамках так называемой экономики знаний воспроизводится особая подструктура решаемых инновационных задач – *проблем*, которые *не решаются* окончательно, но возникают их *пробные решения*, что позволяет требовать *нового дополнительного финансирования* со стороны заказчика.

Таким образом, мы наблюдаем, с одной стороны, замедление развития мировой экономики (понижительная фаза К-волны), а с другой – из-

быточное расширение спектра современных инноваций, что приводит к снижению их эффективности по сравнению с 1960–1990-ми гг.

При этом автор поддерживает тезис Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева о том, что начавшиеся в 2015 г. и пока еще слабо выраженные кризисные процессы в глобальной экономике будут развиваться *более длительно*, чем в 2007–2009 гг. (Гринин, Коротаев 2012), а это значит, что новый глобальный кризис существенно *затормозит* формирование нового технологического уклада и, следовательно, нового «шторма» базовых инноваций.

Более того, в долгосрочной перспективе развитие привычных индустриальных технологий (вследствие гипертрофированного развития «экономики знаний») будет существенно более медленным, а приоритетными станут иные формы капитализации социальных отношений по всему миру, которые предполагают внедрение новых форм финансовых и организационных инноваций. По-видимому, таковыми базовыми инновациями (то есть новациями, способными запустить экономический рост) станут *преобразующие инвестиции* (Impact Investing) (Koshovets, Frolov 2015).

Опираясь на результаты исследований (Фролов и др. 2011; Frolov 2012; Koshovets, Frolov 2014; 2015), в рамках задачи, поставленной в начале статьи, и обобщая вышеизложенное, можно сделать краткий вывод о том, что специфические условия мировой экономики в 2011–2016 гг., а также длительность будущих кризисных явлений *отодвинут период бурного внедрения инноваций нового поколения*. Иначе говоря, возникновение инновационной паузы в начале 2010-х гг. не случайно, и она продлится как минимум 10–15 лет, то есть закончится в лучшем случае к середине 2020-х гг. При этом эффективность инновационной новой волны будет ниже, чем у инноваций 1960–1990-х гг.

Вялотекущие кризисные явления в мировой экономике периода лета – осени 2016 г. могут достаточно быстро (в течение нескольких месяцев) перейти в открытую фазу. Какой сектор мировой экономики и в какой стране послужит «спусковым крючком» (триггером) начала кризиса, точно не ясно. Как на одного из кандидатов можно указать на банковскую систему стран Евросоюза, особенно Италии (например, банки *Intesa Sanpaolo*, *Banka MPS*, *Mediobanca* и *UniCredit*), а также отчасти и ФРГ (в частности, *Deutsche Bank*). На это указывает следующее: по оценке Европейского центрального банка (ЕЦБ), на балансах европейских банков находится около 1 трлн евро (9 % ВВП ЕС) необслуживаемых ссуд, 360 млрд евро из них приходится на Италию, в среднем доля необслуживаемых ссуд составляет 7,1 % активов.

* * *

Автор отдает себе отчет, что большая часть концептуальных и эвристических гипотез, представленных в статье, нуждается в тщательной доработке, а также операционализации с последующей апробацией на реаль-

ном статистическом материале. На данном этапе исследования все они представляют собой еще довольно хрупкие эпистемологические конструкции. Тем не менее такая гипотетическая реконструкция позволяет сделать некоторые качественные выводы о развитии современной ситуации.

1. Анализ ситуации 2016 г. и предшествующего развития в 2011–2015 гг. позволяет говорить о том, что экстраполяция существующих тенденций представляется малореалистичной, так как, скорее всего, мировая экономика находится на этапе *новой глобальной системной перестройки*, которая будет сопровождаться серией кризисных волн. Но системная перестройка мировой экономики *не сводится к кризисным явлениям*, а включает становление новых типов капитала, в том числе и, возможно, новых типов инноваций.

2. После так называемого посткризисного отскока в 2010 г. темпы роста мировой экономики в 2011–2016 гг. устойчиво снижаются. При этом развитые страны после конъюнктурного повышения в 2014–2015 гг. с 2016 г. снова хотя и медленно, но последовательно скатываются в рецессию. Российская экономика реально уже с осени 2013 г. начала скатываться в автономную рецессию, хотя кризисные явления перешли в открытую форму только с осени 2014 г. Примерно с зимы 2016 г. углубление кризисных явлений в российской экономике провоцируется мировыми кризисными явлениями, которые *уже начались* с кризиса перепроизводства в сырьевых отраслях.

3. Особенностью реагирования правительств и международных организаций на начинающийся экономический кризис можно считать разнонаправленность и несвязность проводимых макроэкономических и институциональных мер, что связано с непониманием природы нынешних изменений.

4. Взаимодействие разных типов воспроизводства локальных хозяйств, собственно экономики, финансов и финансовых активов порождает *неоднородность динамики* «глобальной экономики» (как синтеза разных типов воспроизводства), что *не позволяет использовать* для ее моделирования аппарат квазилинейных монотонных функций с приемлемой точностью.

5. Динамика новых кризисных явлений (2015 г. и далее) будет *иной* по сравнению с финансово-экономическим кризисом 2007–2009 гг.:

– кризис начался как вялотекущий *кризис перепроизводства в сырьевых (добывающих) секторах* экономики (осень 2014 – зима 2015 г.);

– в настоящее время *кризисные явления постепенно охватывают все более «высокие» с точки зрения материальных переделов сектора* миро-

вой экономики и в конечном итоге захватят также сферу финансовых активов;

– в относительно короткие сроки в будущем произойдет обрушение фондовых рынков, что, в свою очередь, углубит и расширит собственно экономический кризис;

– новый кризис будет *длительнее*, чем кризис 2007–2009 гг.

6. Большая продолжительность будущих кризисных явлений отодвинет период бурного внедрения инноваций нового поколения. Инновационная пауза продлится как минимум до середины 2020-х гг. При этом эффективность инновационной новой волны будет ниже, чем у инноваций 1960–1990-х гг.

7. Разворачивание нового витка глобального кризиса в действительности представляет собой проявление одной из сторон процесса трансформации «глобальной экономики», который завершится примерно во второй половине 2020-х гг., и, следовательно, инновационная пауза закончится, что, в свою очередь, породит *новые типы* нововведений.

Библиография

- Акаев А. А., Румянцева С. Ю., Сарыгулов А. И., Соколов В. Н. 2012.** Причины длинных волн и проблема неравномерного экономического развития. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы* / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 110–135. Волгоград: Учитель.
- Акаев А. А., Румянцева С. Ю., Сарыгулов А. И., Соколов В. Н. 2015.** О структурно-технологической парадигме технологической модернизации экономики. *Кондратьевские волны: наследие и современность* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко, с. 23–53. Волгоград: Учитель.
- Восстановление** экономического роста в России. Научный доклад. **2016.** М.: ИМП РАН. URL: <http://ecfor.ru/wp-content/uploads/2016/03/Vosstanovlenie-ekonomicheskogo-rosta-nauchnyj-doklad-INP-RAN.pdf> (дата обращения: 30.11.2016).
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы и ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014а.** Безданная попытка опровергнуть Кондратьева. Ответ на статью А. С. Смирнова. Предварительные комментарии. *Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 74–92. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014б.** В защиту Н. Д. Кондратьева. Постраничные комментарии к статье А. С. Смирнова. Предварительные комментарии. *Кон-*

- дратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 170–275. Волгоград: Учитель.
- Дементьев В. Е. 2015.** Постиндустриальная экономика и кондратьевские волны. *Кондратьевские волны: наследие и современность* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко, с. 65–82. Волгоград: Учитель.
- Итоги 2015 года и прогноз экономического развития на среднесрочную перспективу. 2016.** ЦМАКП. URL: <http://www.forecast.ru/> (дата обращения: 30.09.2016).
- Кондратьев Н. Д. 2002 [1922].** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения*: избр. тр. М.: Экономика.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2012.** Кондратьевские волны в мир-системной перспективе. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы* / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 58–109. Волгоград: Учитель.
- Кошовец О. Б., Фролов И. Э. 2013.** Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки. *Теоретическая экономика: онтология и этика* / Ред. О. И. Ананьин, с. 27–111. М.: Ин-т экономики РАН. URL: http://ecfor.ru/publication/ontologiya-i-realnost/?utm_source=rss&utm_medium=rss (дата обращения: 30.11.2016).
- Мау В. А., Улюкаев А. В. 2014.** Глобальный кризис и тенденции экономического развития. *Вопросы экономики* 11: 4–24.
- О производстве** промышленной продукции в июне и втором квартале 2016. 2016. ЦМАКП. URL: <http://www.forecast.ru/> (дата обращения: 30.09.2016).
- О текущей ситуации** в экономике РФ по итогам первого полугодия 2016 года. 2016. *Минэкономразвития РФ*. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/20160728> (дата обращения: 30.11.2016).
- Полетаев А. В., Савельева И. М. 1993.** *Циклы Кондратьева и развитие капитализма*. М.: Наука.
- Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. 2015.** *Минэкономразвития РФ*. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/20151026> (дата обращения: 30.11.2016).
- Российская экономика** в 2015 году. Тенденции и перспективы. 2016. Вып. 37. М.: Ин-т Гайдара. URL: <http://www.iep.ru/files/RePEc/gai/gbooks/RE37-2015-ru.pdf> (дата обращения: 30.11.2016).
- Смирнов А. С. 2014.** Какая реальность стоит за «волнами Кондратьева»? Настоящие длинные циклы. *Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 93–169. Волгоград: Учитель.
- Фролов И. Э. 2009.** Размышления о применении экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях. *Вопросы экономики* 12: 72–82. URL: <http://ecfor.ru/publication/primenenii-ekonomicheskoi-teorii-v-prikladnyh-issledovaniyah/> (дата обращения: 30.11.2016).

- Фролов И. Э., Ципко В. А., Ганичев Н. А., Кошовец О. Б. 2011.** *Анализ управления и контроля бюджетными ресурсами в условиях финансово-экономического кризиса: зарубежный опыт и уроки для России.* М.: Изд-во Счетной палаты РФ.
- Allison J. A. 2012.** *The Financial Crisis and the Free Market Cure: Why Pure Capitalism is the World Economy's Only Hope.* 1st ed. New York, NY: McGraw-Hill Education.
- Arrighi G. 1994.** *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times.* London; New York: Verso.
- Barr K. 1979.** Long Waves: A Selective Annotated Bibliography. *Review* 2(4): 675–718.
- Braudel F. 1979.** *Civilisation materielle, economic et capitalisme, XVe-XVIIIe siecle.* Т. 2. Paris.
- Bureau of Economic Analysis U.S. Department of Commerce. 2016.** URL: <http://www.bea.gov/> (дата обращения: 30.09.2016).
- Durden T. 2016.** 11 Signs that the U.S. Economy is Rapidly Deteriorating Even as the Stock Market Soars. *Zerohedge* November 05. URL: <http://www.zerohedge.com/news/2016-05-11/11-signs-us-economy-rapidly-deteriorating-even-stock-market-soars> (дата обращения: 30.09.2016).
- Eurostat. 2016.** URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 30.09.2016).
- Frolov I. E. 2012.** Innovation as a Process of Capital Extended Development: is it Possible to Build Innovation Economy in Russia? *Journals Economy & Business* 6(2): 101–115. URL: <http://www.scientific-publications.net/download/economy-and-business-2012-2.pdf> (дата обращения: 30.11.2016).
- Global Trade Watch: Trade Developments in 2015. 2016.** *World Bank Group.* URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/913061468196142457/pdf/103903-REVISSED-Global-trade-watch.pdf> (дата обращения: 30.09.2016).
- Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains. 2013.** *OECD Publishing.* URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264189560-en> (дата обращения: 30.09.2016).
- International Debt Statistics. 2016.** *World Bank Group.* URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23328/9781464806810.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 30.09.2016).
- Koshovets O. B., Frolov I. E. 2014.** The Current Financial and Economic Crisis as a New Stage of Transformation of the Global Economy. *Journal of International Scientific Publications: Economy & Business* 8: 399–412. URL: <http://www.scientific-publications.net/ru/article/1000397/> (дата обращения: 30.11.2016).
- Koshovets O. B., Frolov I. E. 2015.** Impact Investing as a “Basic Innovation” for the Global Economy and Finance System Postcrisis Transformation. *Journal of International Scientific Publications: Economy & Business* 9: 769–780. URL: <http://www.scientific-publications.net/en/article/1000994/> (дата обращения: 30.11.2016).

- Polanyi K. 2001.** *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. 2nd ed. Boston: Beacon Press.
- Stiglitz J. E. 2010.** *Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy*. New York, NY; London: W. W. Norton & Co.
- Trade and Development report. 2015.** *UNCTAD – Geneva*. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2015_en.pdf (дата обращения: 30.09.2016).
- World Economic Outlook Database, IMF 2007–2016. N.d.** URL: <http://www.imf.org/external/ns/cs.aspx?id=28>.
- Wolff R. D. 2016.** *Capitalism's Crisis Deepens: Essays on the Global Economic Melt-down Paperback*. Chicago: Haymarket Books.